

Глава 1

Крошечный городок на южной границе жил неторопливой, но на удивление полной жизнью. Здесь было всё необходимое: и лавки, и ремесленные мастерские. Едва солнце поднималось над горизонтом, питейные заведения и чайные гостеприимно распахивали двери. Жизнь в них закипала мгновенно — шумно, бойко, весело.

У дверей одной из таких придорожных чайных толпился народ. Посетители то и дело входили и выходили, у самого входа пристроился уличный торговец хмельным, а из глубины зала доносились восторженные одобрительные выкрики.

Один бродяга в грязном, покрытом заплатами капюшоне застыл у порога. От густого хмельного аромата у него приятно кружилась голова. Пошарив в лохмотьях, он пересчитал скудную милостыню — монет едва хватало на пару чарок дешёвого пойла. Зажав медяки в кулаке, нищий принялся нерешительно разглядывать заведение.

На массивной вывеске над входом красовались крупные, размашистые иероглифы: «Сказки, Потрясающие Стол».

Юноша осторожно приподнял край капюшона. Под засаленной тканью скрывалось лицо удивительной, почти женственной красоты, разительно контрастировавшее с его жалким тряпьем: безупречная белая кожа, тонкие, словно выведенные тушью брови и ясный, глубокий взгляд. Он на мгновение замер, разглядывая вывеску.

Он беззвучно шевельнул губами в такт прочитанным словам.

Внутри снова раздались аплодисменты. Бродяга тихонько вздохнул от досады, сокрушаясь о пустоте собственного кошелька.

Застывший у порога оборванец невольно привлекал взгляды прохожих. И дело было вовсе не в его убожестве — здешний люд давно привык к попрошайкам. Поражало другое: его лицо казалось слишком благородным и красивым для уличного оборванца. Прохожие невольно качали головами, думая, что с такой внешностью юноше прямая дорога в какой-нибудь весёлый дом — прислуживать богатым господам в качестве сяогуаня. Уж там-то он точно не голодал бы, а тут прозябает на пыльной мостовой.

Почувствовав на себе эти навязчивые взгляды, нищий поспешно натянул капюшон пониже, пряча лицо в тени.

Звали его Цинь Чжэн.

«Побираться-то он побирался, да и красотой обделён не был — тут уж глупо спорить. Но чтобы продавать себя ради куска хлеба? Ну уж нет. В конце концов, когда-то его имя гремело на всю

Поднебесную... Кхм»

«Впрочем, к чему ворошить прошлое? Истинному герою негоже хвастать былыми подвигами»

Цинь Чжэн с тоской заглянул внутрь чайной и разочарованно причмокнул:

— Надо же, там выступает рассказчик. Интересно, чьи косточки он сегодня перемывает?

Торговец вином приметил странного оборванца в грубой холщовой накидке. Тот стоял, весь покрытый дорожной пылью, жадно вдыхая винные пары и облизывая сухие губы, но кошель доставать не спешил. Решив, что перед ним обычный нищий пьяница, лавочник недовольно буркнул, желая поскорее избавиться от незваного гостя:

— Эй, почтенный, коли вино нужно — выбирай быстрее. А коли послушать захотел — ступай внутрь. С тебя один лян серебра за главу, и это без учёта чая.

Цинь Чжэн промолчал. Как раз в этот момент из глубины зала донёлся резкий удар деревянной колотушки-синму, призывающий публику к порядку.

Заметив нерешительность бродяги, торговец нахмурился пуще прежнего и нетерпеливо прикрикнул:

— Нет денег — нечего тут маячить и покупателей распугивать! Наша чайная славится на всю округу, просто так туда не пускают. Плати давай, серебро гони!

Он демонстративно вытащил связку медных монет и потряс ею перед самым носом парня, уверенный, что этот нищеврод отродясь не держал в руках приличной суммы.

Цинь Чжэн виновато улыбнулся и, пошарив во внутреннем кармане, выгреб последние несколько медных монет. Аккуратно разложив их на прилавке, он указал на кувшин с вином Вэньцзюнь из провинции Шу:

— Налейте мне две чарки, будьте добры. Прямо в мою флягу.

Поскольку нищий держался вежливо, торговец не стал больше придирааться. Он молча сгрёб медяки, забрал потрёпанную флягу и принялся неспешно цедить туда хмельное, тщательно отмеряя каждую каплю, чтобы, не дай бог, не перелить лишнего. Бродяга терпеливо ждал, скрестив руки на груди.

В этот момент из чайной донёлся зычный голос сказителя:

— Сегодня, почтенная публика, речь пойдёт о злодее, чьё имя заставляет содрогаться всё благочестивое содружество ревнителей боевых искусств! О подлеце и предателе... Цинь Чжэне!

Услышав собственное имя, «великий злодей» Цинь Чжэн опешил. Он стремительно рванулся к прилавку, бесцеремонно выхватил у растерявшегося продавца флягу, в которую тот едва успел нацедить вино, и, ловко лавируя между зеваками, юркнул прямо в чайную.

— Эй! Куда без денег прешь?! А ну стоять!.. — запоздало крикнул ему вслед торговец.

Но куда там — неповоротливый лавочник не успел и глазом моргнуть, как парень уже затерялся в полумраке зала. Цинь Чжэн протиснулся к самому помосту рассказчика. Из-за своего высокого роста ему приходилось слегка сутулиться и плотнее запахивать накидку, дабы не привлекать лишнего внимания.

«Какая редкая удача — послушать легенды о самом себе, — иронично подумал он. — Поглядим, в какого монстра превратила меня людская молва»

Сказитель вновь ударил колотушкой, призывая притихшую толпу к вниманию. Откашлявшись, он зычно провозгласил:

— Итак! В восьмой год девиза правления Тяньдин на Вилле Обширных Холодов проходило традиционное Собрание испытания мечей. В те дни содружество боевых искусств бурлило от обилия юных талантов. И среди них ярче всех сияло имя Цинь Чжэна — старшего ученика почтенного главы Виллы Обширных Холодов Вэй Бинцина. Казалось, этому одарённому юноше самой судьбой было предназначено возглавить школу. Но кто же знал, что под маской благородства скрывался зверь, способный на ужасающие, гнусные злодеяния!

В зале недовольно зашумели. Цинь Чжэн тихо вздохнул. Давненько он не слышал в свой адрес столь лестных слов, как «одарённый юноша». В своё время он и впрямь заслуживал этой похвалы, но вот последовавшее за ней обвинение в гнусных злодеяниях неприятно кольнуло душу.

Раздался ещё один оглушительный удар колотушки, заставивший зал замолчать.

— Шёл тринадцатый год Тяньдин! — продолжал вещать сказитель. — Старший ученик Виллы Обширных Холодов Цинь Чжэн воспылал нечистой страстью к собственной младшей сестрёнке-наставнице Вэй Сюэцин. Он не просто обесчестил и жестоко убил несчастную девушку, но и надругался над её бездыханным телом! А когда его попыталась остановить жена наставника Лю Цзиньчжи, которая вырастила этого неблагодарного пса как родного сына, он безжалостно расправился и с ней! После чего, вступив в преступный сговор с Демоническим культом, похитил три священных сокровища, хранившихся на Вилле!

Слушатели потрясённо ахнули, многие застыли с разинутыми ртами.

— Каков подлец, а? — негодуяще воскликнул рассказчик. — Такого отпетого мерзавца и неблагодарного волка ещё поискать надо. Настоящее чудовище, каких свет не видывал!

«Отпетый мерзавец», стоявший в толпе у самого помоста, согласно хмыкнул под нос:

— Действительно, собаке — собачья смерть.

Толпа взорвалась нетерпеливыми выкриками:

— Что за сокровища-то?! Ценные небось?

— А как убил-то? Расскажи подробнее, милейший, нам нужны детали!

— Младшая сестрёнка-то, чай, писаная красавица была? Сравнится ли с Цветочной куртизанкой Башни Туманов и Дождей? Ха-ха-ха!

— Да жив ли этот ублюдок Цинь Чжэн вообще?!

Разогрев любопытство публики, рассказчик самодовольно ухмыльнулся:

— Не спешите, почтенные господа, на все вопросы ответу по порядку. Но сперва не откажите в любезности, подбросьте бродячему артисту на пропитание!

Как только медные монеты и мелкое серебро со звоном посыпались в его чашу, он с новыми силами пустился в разглагольствования.

— Имя главы Виллы Обширных Холодов, благородного Вэй Бинцина, без сомнения, известно каждому из вас, — рассказчик поднял вверх большой палец. — Столп праведных учений, непревзойдённый мастер меча! Уж как он заботился о Цинь Чжэне, всю душу в него вложил, растил как преемника. А взрастил змею на своей груди! Этот подлец не пощадил единственную дочь своего благодетеля, обесчестил её и лишил жизни. А госпожа Лю Цзиньчжи, супруга главы, которая нянчила этого мерзавца с малых лет? Какую страшную смерть она приняла от его руки! Подумать только, какое чудовищное предательство...

История повторялась по кругу. Рассказчик без конца твердил о страшных карах и злодеяниях, но упорно умалчивал о причинах случившегося. Слушатели жаждали леденящих душу подробностей, однако тот лишь нагнетал драму, не приводя никаких фактов. Разумеется, среди гостей нашлись те, у кого этот дешёвый спектакль вызвал сомнения.

Из дальнего угла зала раздался чистый, уверенный голос:

— Если Цинь Чжэн действительно был главным претендентом на место главы и пользовался безграничным доверием наставника, с чего бы ему вдруг предавать свою школу? Для любого предательства нужен мотив. Ты лишь повторяешь избитые слухи, которые и без того бродят по трактирам, но не можешь назвать ни одной веской причины. Твои слова звучат неубедительно и не доказывают, что этот человек — исчадие ада.

Цинь Чжэн удивлённо обернулся на голос. К его изумлению, заступиться за него решил невероятно красивый молодой господин, сидевший в углу чайной. На незнакомце был облегающий чёрный дорожный костюм, выгодно подчёркивавший его высокую, стройную фигуру. По острому взгляду и правильным чертам лица было видно, что он человек благородного происхождения, однако лёгкая усмешка, затаившаяся в уголках губ, придавала его облику опасный, даже зловещий вид. Длинные чёрные волосы свободно падали на плечи, а в причёске поблёскивали изящные золотые украшения в виде листьев гинкго. На поясе незнакомца висела сабля, отчего от всей его фигуры веяло леденящей угрозой.

Молодой господин неторопливо попивал чай, пока за его спиной неподвижным изваянием застыли несколько дюжих телохранителей. Каждый из них держал руку на эфесе оружия — суровые, закалённые бойцы, с которыми явно не стоило шутить.

Цинь Чжэн невольно засмотрелся на своего неожиданного защитника. В наши дни, когда его имя смешали с грязью, услышать слово в свою защиту было настоящим чудом. Чернооде́тый юноша ухмылялся, но его улыбка не сулила ничего хорошего. Он слегка подул на чайники, сделал глоток и молча уставился на рассказчика. Его пальцы лениво постукивали по рукояти сабли — от этого небрежного жеста у любого случайного свидетеля побежали бы мурашки по коже.

Почувствовав вызов, рассказчик уязвлённо вскинул голову и повысил голос:

— Гляжу я, молодой господин тоже из служителей меча и не расстается с оружием. Неужто в ваших краях об этом деле говорят иначе?

Юноша в чёрном пренебрежительно фыркнул и с ленивой надменностью ответил:

— Говорить-то говорят, да только много ли правды в этих разговорах?

— Как это много ли?! — возмутился рассказчик. — Почтенные монахи Шаолиня и даосы Удана сбились с ног, разыскивая похищенные сокровища, а на Вилле Обширных Холодов зажали две близкие главе души! Будь всё это ложью, разве стал бы великий мастер Вэй Бинцин прилюдно судить собственного ученика? Он лично лишил Цинь Чжэна сил, перерезал ему меридианы и вышвырнул вон из ордена! Лишь по своей безграничной милости господин Вэй пощадил мерзавца, которого взрастил с пелёнок, и сохранил ему жизнь. Сейчас этот пёс где-то скрывается, и никто не знает, жив он или издох. Но лично я считаю, что даже если его прилюдно изрезать на тысячи кусков, это всё равно не искупит его грехов!

Цинь Чжэн невольно поёжился. От одних мыслей о такой казни по коже пробежал мороз. Он

тихо пробормотал, опустив голову:

— Меридианы разорваны, духовные силы утрачены... Этот человек уже стал калекой. Кому теперь важно, жив он или мёртв? Его жизнь и без того не стоит и ломаного гроша...

Рассказчик обладал отменным слухом. Уловив тихий ропот, он резко развернулся к притаившемуся в капюшоне Цинь Чжэну и грубо отрезал:

— Тварь, посягнувшая на устои нашего мира и лишившаяся человеческого обличья, заслуживает смерти от руки любого честного воина! Скажи спасибо, что он стал беспомощным калекой, иначе с его-то былым мастерством мало кто смог бы с ним справиться. Даже паршивая жизнь — всё равно жизнь, но этот выродок недостоин зваться человеком!

Слова рассказчика хлестнули наотмашь, но Цинь Чжэн лишь молча покачал головой, не желая вступать в пустые споры. Он уже собирался развернуться и незаметно покинуть чайную, как вдруг его окликнул тот самый молодой господин в чёрном, который незаметно подошёл почти вплотную.

— Коль скоро наши мысли сходятся, не сочтёт ли уважаемый за труд разделить со мной чайную трапезу?

Цинь Чжэн замер. Обернувшись, он встретился взглядом с молодым незнакомцем. Куда только делась его бывшая надменность и леденящая аура? Сейчас юноша смотрел на него на удивление тепло и дружелюбно. Он приветливо улыбался, опустив руки вдоль тела в знак мирных намерений.

Цинь Чжэну на мгновение показалось, будто этот грозный воин слегка робеет и нервничает. Впрочем, стоило бросить беглый взгляд на его саблю — великолепное оружие в простых ножнах, но с богато отделанной рукоятью, — как все сомнения рассеялись. С чего бы знатному господину, путешествующему в окружении преданных слуг, робеть перед нищим оборванцем? Верно, просто показалось.

Да и с какой стати этот вельможа величает его «молодым господином»? Посмотрел бы на его засаленный капюшон и лохмотья! И как они умудрились прослыть единомышленниками всего после пары брошенных фраз?

«Неужто он догадался, кто я такой? — испуганно пронеслось в голове у Цинь Чжэна. — Без духовных сил мне от них не отбиться. Если меня раскроют, живым я отсюда точно не выберусь»

Бежать было бессмысленно — его бы перехватили на первом же шагу. Взяв себя в руки, Цинь Чжэн изобразил самую простодушную улыбку и мягко проговорил:

— Я лишь безвестный бродяга, зашедший погреться да послушать байки. Куда уж мне равняться с вашей милостью. Вижу, вы человек благородный и щедрый, а у меня за душой ни гроша. Боюсь, я вовек не смогу отплатить за вашу доброту, так что... пожалуй, откажусь от чая.

Молодой господин в чёрном, словно предугадав такой ответ, шагнул вперёд. Он оказался на полголовы выше Цинь Чжэна, но в его движениях не чувствовалось угрозы. Склонившись к нему, он заговорщицки прошептал:

— Чай за мой счёт, и никаких долгов. Я заметил, что вы равнодушны к хорошему вину. Ваша фляга ведь полупустая? Обещаю, перед уходом мы наполним её до краёв. Наша беседа пройдёт в отдельном кабинете на втором этаже, прошу вас, не отказывайте мне в этой малости.

Цинь Чжэн и впрямь не на шутку соскучился по хорошему хмельному. Услышав обещание наполнить флягу, он рассудил, что от короткой беседы за чашкой чая вреда не будет. Кивнув в знак согласия, он последовал за незнакомцем наверх.

Сопровождавшие господина молчаливые телохранители действовали на удивление проворно и слаженно. Они мигом придвинули стулья, распахнули окно, впуская свежий воздух, и наполнили чаши ароматным чаем, после чего бесшумно удалились, прикрыв за собой дверь.

Оставшись наедине, они почувствовали лёгкое смущение. Прежде они никогда не встречались, даже имён друг друга не знали, так что хваленое «единомыслие» пока казалось довольно натянутым. Ни один не решался заговорить первым.

Цинь Чжэн в былые времена славился обходительностью и лёгким нравом — завести разговор с незнакомцем для него не составляло труда. Но долгие скитания и клеймо отщепенца лишили его прежней уверенности. Чтобы хоть как-то нарушить затянувшееся молчание, он неловко спросил:

— Послушайте... Неужели вы лично знали этого Цинь Чжэна, раз так рьяно его защищали?

Молодой человек снисходительно улыбнулся:

— С чего вы взяли? Мне просто претит гнусное враньё уличных болтунов. Я лишь высказал то, что показалось мне нелогичным.

«Оно и понятно, — подумал Цинь Чжэн. — Кто в здравом уме признается в дружбе с государственным преступником? Это всё равно что добровольно сунуть голову в петлю»

— И то верно, — покладисто согласился Цинь Чжэн. — Южные рубежи так далеки от Срединных равнин... Да и не было у этого негодяя настоящих друзей, откуда им взяться в такой глуши.

Собеседник сделал неторопливый глоток чая:

— Насколько мне известно, Цинь Чжэн некогда водил дружбу со многими выдающимися мастерами. Да и те, с кем он не был знаком близко, сами искали его расположения. В те годы разделить с ним чарку вина считалось великой честью. Так что не удивлюсь, если в этих краях действительно найдётся кто-то из его прежних приятелей.

При воспоминании о былом Цинь Чжэну стало неловко. В юности он и впрямь был излишне самонадеян и глуп, совершенно не заботясь о собственной безопасности. Заняв первое место на Собрании испытания мечей, он, будучи старшим учеником Виллы Обширных Холодов, мгновенно вознёсся на вершину славы. Тогда он без разбора заводил знакомства, хвастливо заявляя, что отыщет собутыльников во всех уголках Поднебесной и сразится на мечах с каждым достойным героем. Сейчас эти юношеские бредни казались ему невыносимо постыдными. Не зная, как увести разговор в сторону, он пробормотал первое, что пришло на ум:

— Дела давно минувших дней... Обычная глупость незрелого юнца, не стоит и вспоминать.

Вэнь Тинъюнь удивлённо приподнял брови и загадочно усмехнулся:

— Вы так рьяно извиняетесь за его грехи. Неужто тоже были с ним знакомы?

«Мать твою... Кажется, дело дрянь»

Цинь Чжэн прикусил язык, поняв, что сболтнул лишнего. Поспешно сделав большой глоток из чаши, он насторожился. Что значило это его «тоже»? Неужели собеседник всё-таки знает, кто перед ним?

Заметив его замешательство, юноша в чёрном не стал настаивать и непринуждённо перевёл тему:

— Послушайте, а вам не жарко?

— А? — растерялся Цинь Чжэн. — Да... есть немного.

Вэнь Тинъюнь опёрся подбородком о ладонь и с самым серьёзным видом поинтересовался:

— Тогда почему вы до сих пор в капюшоне?

Раз уж дело приняло такой оборот, деваться было некуда. Цинь Чжэн медленно опустил капюшон. О его поразительной, утончённой красоте когда-то слагали легенды на Срединных равнинах — благородные девицы и юные ученицы великих школ мечтали хотя бы мельком

взглянуть на старшего ученика Виллы Обширных Холодов. Но теперь, в изгнании, его яркая внешность лишь привлекала ненужное внимание, ведь здешние уроженцы выглядели совсем иначе. Именно поэтому он прятал лицо под грязной тканью. Стоило ему открыться, как взгляд Вэнь Тинъюня стал ещё пристальнее. Он без малейшего стеснения рассматривал лицо собеседника, отчего Цинь Чжэну стало не по себе.

— Вы ведь не из здешних краёв, — негромко произнёс Вэнь Тинъюнь, слегка сощурившись.

Цинь Чжэн вздрогнул, но вовремя взял себя в руки. С напускным равнодушием он соврал на ходу:

— Верно подмечено. Я родом со Срединных равнин. Моя семья разорилась, вот и пришлось податься на юг в поисках пропитания. Но ведь и вы, судя по всему, не местный?

— Из тех же мест! — охотно отозвался юноша. — Моё имя Вэнь Тинъюнь. Я принадлежу к школе Семи Клинков. Направлялся с караваном в провинцию Шу и оказался здесь проездом. А как мне величать вас, уважаемый?

Услышав столь откровенный ответ, Цинь Чжэн растерялся. Он не успел приготовить складное фальшивое имя и лишь неловко кашлянул:

— Так господин Вэнь — один из мастеров школы Семи Клинков? Премного почтён. А меня... меня зовут...

— Если вам не хочется называть полное имя, — мягко прервал его Вэнь Тинъюнь, — можете назвать хотя бы фамилию. Иначе мне неловко обращаться к вам столь официально.

Незнакомец проявил к нему искреннее дружелюбие, и продолжать юлить было бы глупо — это лишь разжгло бы ненужные подозрения. Набрав в грудь воздуха, Цинь Чжэн выпалил первое, что пришло на ум:

— Чэнь Дацзюнь. К вашим услугам.

Вэнь Тинъюнь на мгновение лишился дара речи. Едва сдерживая смех, он вежливо кивнул:

— Что ж... весьма звучное имя.

Цинь Чжэн обречённо вздохнул:

— Да ладно тебе, брат Вэнь. Хочешь смеяться — смейся, я не обижусь.

Вэнь Тинъюнь на мгновение замер, а затем искренне расхохотался:

— Брат Чэнь, а ты действительно забавный малый!

Цинь Чжэн неловко кашлянул в кулак, но тоже не удержался от улыбки.

— И всё же, — Вэнь Тинъюнь лукаво прикусил губу, так что показался острый клык, — имя Цинь Чжэн звучит куда благороднее.

Бродяга мгновенно застыл. Его рука заметно дрогнула, и он расплескал несколько капель на стол.

«Проклятье... Кажется, я попался»

<http://bllate.org/book/19742/2028478>